

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВАХ ГРАЖДАН

Лукьянова Влада Юрьевна

кандидат философских наук

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве

Российской Федерации

vlada.lukianova@rambler.ru

1. Для развития человеческого общества необходимы ресурсы, причем не только материальные и энергетические, но и информационные. При отсутствии необходимой информации невозможно принимать взвешенные и обоснованные решения, реализовывать перспективные планы. «Как правило, наибольшего успеха добивается тот, кто располагает лучшей информацией», - полагал британский литератор и государственный деятель Б. Дизраэли.

Вопросами оптимальной степени информированности различных субъектов люди задавались со времен античности. Однако по мере развития цивилизации, распространения в мире идей гуманизма и справедливости вопросы доступа к информации все чаще начинают рассматриваться в контексте основных прав и свобод человека. В XX веке право на информацию было закреплено во Всеобщей декларации прав человека [1], согласно ст. 19 которой каждый имеет право свободно искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Среди актов, затрагивающих этот вопрос, можно также упомянуть Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Американскую конвенцию о правах человека 1969 года, Африканскую хартию прав человека и народов 1981 года, Конвенцию о правах ребенка 1989 года, Арабскую хартию прав человека 2004 г., ряд специализированных европейских актов: Конвенцию Совета Европы о защите лиц в отношении автоматической обработки персональных данных 1981 г., Конвенцию о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды 1998 г., Конвенцию Совета Европы о доступе к официальным документам 2008 г. и др. Эти акты рассматривают право на информацию как фундаментальный элемент демократии и свободы, и потому предписывают лицам, являющимся сторонами соответствующих международных соглашений, «решительно пресекать тенденцию удерживать информацию от широкого населения» [2, п. 35]. Положения международных правовых актов развиваются и конкретизируются в актах национального законодательства. В нашей стране таковыми являются Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3], Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [4], иные нормативные правовые акты.

Анализируя их содержание, исследователи отмечают следующие тенденции:

1) постепенный переход от понимания права на информацию как производного от норм ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, к восприятию его как права, имеющего самостоятельный характер, как одного из прав, на которых «зиждуются свободные и демократические общества» [5, п. 42];

2) постоянное расширение перечня видов и содержания информации, к которой должен быть обеспечен гарантированный доступ. Если изначально речь шла только о доступе к информации, «относящейся ко всем видам деятельности государства» [6, п. 31], то сегодня законодательно гарантируется доступ к информации, касающейся экологических проблем, устойчивого развития, распространения ВИЧ, противодействия терроризму и т.д.;

3) закрепление права на информацию за отдельными категориями граждан, которые нуждаются в особом внимании. В российской практике эта тенденция выражается в

деятельности, направленной на устранение «цифрового неравенства» посредством развития широкополосного доступа к сети «Интернет», запуска цифрового эфирного вещания на всей территории Российской Федерации, обеспечения широкой доступности телевидения с учетом новых технических возможностей, повышения качества и доступности услуг почтовой связи на основе современных информационных технологий и др. [7].

2. Повышение во второй половине XX – начале XXI века интереса мирового сообщества и отдельных государств к определению роли и места информации в жизни человека обусловлено не только распространением идей гуманизма, но и реализацией в технологии тех фундаментальных открытий, которые были сделаны в XIX веке и самом начале века XX. Научно-технический прогресс обусловил превращение информации и коммуникаций в такое же значимое условие развития государства, как и доступ к топливно-энергетическим и сырьевым ресурсам, поскольку информационные технологии, упрощая и ускоряя процесс коммуникации, делают отношения между различными субъектами более прозрачным. Это позволяет говорить о переходе ведущих стран мира к новому этапу социально-экономического развития – построению информационного общества, основными чертами которого являются [8]:

— высокий уровень развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивное использование гражданами, бизнесом и органами государственной власти;

— увеличение добавленной стоимости в экономике в значительной мере за счет интеллектуальной деятельности, повышения технологического уровня производства и распространения современных информационных и телекоммуникационных технологий;

— усиление роли интеллектуальных факторов производства.

Однако в силу диалектической природой прогресса, которая детерминирует его выгоды и издержки [9, с. 80-87], переход к информационному обществу имеет не только положительные, но и негативные стороны. В числе последних особо следует отметить:

— информационную перегрузку людей, суть которой состоит в том, что количество поступающей *полезной* информации превосходит объективные возможности ее восприятия человеком [10, с. 114];

— снижение слухо- и фейкоустойчивости коммуникационных систем современного общества и самого общества [11, с. 286];

— увеличение количества получаемой человеком *бесполезной и вредной* информации.

Увеличение частоты проявления этих негативных сторон развития информационных технологий влечет за собой увеличение частоты возникновения кризиса идентичности и коллективных, и индивидуальных субъектов, а также нарастание (увеличение частоты возникновения) синдрома деструкции индивидуальности.

3. Идентичность коллективного субъекта конституируется его мифическими и историческими традициями; значимость последних распространяется не только на прошлое, но и на будущее. При этом каждый коллективный субъект онтологически зависит от индивидов, которые его поддерживают. Соответственно, сущностью кризиса коллективной идентичности является уменьшение идентификации индивидов с коллективной реальностью, которую они прежде поддерживали, а его причинами могут стать отрицание символов, распад коллективной памяти, представленной традициями, утрата веры в общее будущее, несоответствие между представлением коллективного субъекта о самом себе и его образами в представлениях других субъектов, наконец, чувство неполноценности относительно иного, более совершенного субъекта [12, с. 117].

Распространение информационных технологий на рубеже XX – XXI веков стало одной из составляющих процесса расширения и интенсификации экономически детерминированной глобализации, которая превратила экономику из средства удовлетворения потребностей в самоцель, в конечную, всеобъемлющую цель развития человеческого общества. Индикатором достижения этой цели является рост общественного

брутто-продукта, для максимизации которого поощряется удовлетворение любых, даже самых абсурдных, материальных потребностей, а духовные ценности «должны воспроизводиться, как и товарная масса, на мировых конвейерах» [13, с. 480]. Социальный престиж человека также связывается не с достижением им каких-либо духовных идеалов, а с «престижным потреблением», стоимостью потребляемых им товаров. Предполагается, что такой подход позволяет избегать «опрокидывания человека вовнутрь духовно-нравственными ценностями альтруистического толка, затмевающими здравый рассудок и здравый смысл» [13, с. 27].

Следуя логике глобализационных процессов, информационные технологии и средства коммуникации все чаще заменяют собой мифические и исторические традиции, конституирующие идентичность коллективных субъектов, вынуждая последние утрачивать свою самость и растворяться в «инструментальной рациональности» и «массовой культуре». Они же (информационные технологии и средства коммуникации) «поставляют» в общественное сознание новые социальные образцы и «сфантазированные общие понятия»: Ахилла, Цинцинната и святого мученика сегодня заменяют даже не спортсмены и рок-певцы, о чем сокрушался в начале 1990-х годов В. Хёсле, а условные дианы шурыгины и мары багдасарян. Однако лишение человечества моральных ориентиров никого не сделает счастливым, напротив, именно отсутствие ориентиров порождает у человека ощущение бессмысленности его жизни и, как следствие, кризис идентичности (в данном случае, индивидуальной). Более того, убеждение в том, что не существует никаких моральных норм, порождает самый глубокий и отчаянный кризис идентичности [12, с. 119].

В этих условиях право на информацию должно, на наш взгляд, иметь две составляющих: право каждого на доступ к информации, за исключением информации, составляющей государственную и иную охраняемую законом тайну, во-первых, и право каждого на защиту от нежелательной информации — во-вторых.

4. Первый шаг на пути введения права человека на защиту от нежелательной информации (права на информационную безопасность) в число охраняемых законом нематериальных благ российским законодателем уже сделан. Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [14, ст. 2] в российскую правовую систему было введено понятие «информационной безопасности детей». Данное понятие трактуется как «состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию». Этим же Законом определены приоритетные направления деятельности, направленной на защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, а также виды и категории такой информации.

Кроме того, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3, ст. 10] установлен запрет на распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Установленные российским законодательством запреты касаются не только информации экстремистской или террористической направленности: ответственность установлена, в том числе за действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, на унижение достоинства лиц по признакам расы, национальности, совершенные публично, за распространение детской порнографии.

Однако указанных нормативно-правовых актов явно недостаточно для урегулирования правоотношений в области защиты человека от информации, оказывающей на него негативное воздействие. Обусловлено это целым рядом причин, в том числе тем, что:

- ими, что очевидно, регламентируется далеко не весь спектр общественных отношений в рассматриваемой сфере. Можно выделить и иные категории информации, которая может квалифицироваться как вредная: ненадлежащая реклама, информация, оказывающая неосознаваемое негативное воздействие на здоровье людей, информацией, «пропагандирующей» или «демонизирующей» коррупцию, к категории вредной информации может быть отнесена и, и т.д.

- особенностью вредной информации является то, что ее психологическое влияние зачастую не осознается тем, на кого оно оказывается, поскольку воздействие на поведение человека оказывается главным образом через эмоции и подсознание, а не на рациональном уровне. Однако даже когда информация воспринимается разумом, существует очень много возможностей для влияния на поведение человека.

Это означает, что задача обеспечения информационной безопасности человека не может быть решена без всестороннего научного исследования различных аспектов и механизмов негативного воздействия информации на человека, на его здоровье и социальную активность. И лишь по результатам таких исследований может быть введено адекватное правовое регулирование указанных вопросов, обеспечивающее реализацию права граждан на защиту своего здоровья от вредной информации, в т.ч. и неосознаваемой человеком, что является одним из жизненно важных интересов личности в условиях информационного общества.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // «Российская газета». 05 апреля 1995 г.
2. Promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression : report of the Special Rapporteur, Abid Hussain, pursuant to Commission on Human Rights resolution 1993/45. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G94/750/76/PDF/G9475076.pdf?OpenElement> (дата обращения 10 марта 2017 г.).
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3451.
5. CIVIL AND POLITICAL RIGHTS, INCLUDING THE QUESTION OF: FREEDOM OF EXPRESSION. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Mr. Abid Hussain, submitted in accordance with Commission resolution 1999/36. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G00/100/52/PDF/G0010052.pdf?OpenElement> (дата обращения 10 марта 2017 г.).
6. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Mr. Frank La Rue. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G10/130/49/PDF/G1013049.pdf?OpenElement> (дата обращения 10 марта 2017 г.).
7. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция). Утверждены Правительством Российской Федерации 14 мая 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс»
8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 07 февраля 2008 № Пр-212 // Российская газета. — 2008. — 16 февраля.

9. *Козловски, П.* Очерки персоналистской философии / Прощание с марксизмом-ленинизмом: О логике перехода от развитого социализма к этическому и демократическому капитализму: Очерки персоналистской философии. — СПб.: Экономическая школа. — 1997. — 138 с.
10. *Еляков, А.Д.* Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. — 2005. — № 5. — С. 114-121.
11. *Куликов, Е.М.* Перегрузка коммуникационных систем и функционирование слухов в информационном обществе // Общество и право. — 2011. — № 3. — С. 285-287.
12. *Хёсле, В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. — 1994. — № 10. — С. 112-123.
13. *Кочетов, Э.Г.* Глобалистика: Теория, методология, практика. — М.: Издательство НОРМА, 2002. — 672 с.
14. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 48.